

Акунин Б.

1.08.2000

Борис АКУНИН:

Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга

Григорий Чхартишвили, заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература», переводчик, стал знаменитым, опубликовав под псевдонимом Б. Акунин серию детективов с обаятельнейшим героем Эрастом Фандориным — умным и скромным красавцем с седыми висками. Романы Акунина полюбили не только читатели, но и критики — за дивный русский язык и литературную игру, которую он вел в своих книгах с поклонниками классической русской литературы.

— Григорий Шалвович, давайте говорить о литературе.

— А ни о чем другом я и не могу говорить.

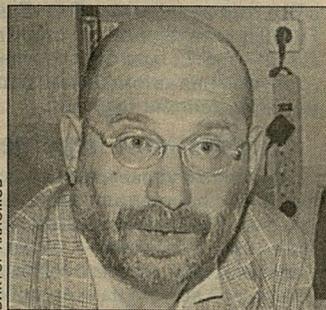
— Вы даете очень много интервью, но создается впечатление, что неохотно. Все они довольно вялые, без юмора — не чета вашим романам. Почему? Вы скрытный человек? Или вы устную речь любите меньше письменной?

— Если бы мои интервью читались лучше книжек, это было бы печально. А интервью я последние три-четыре месяца совсем не давал — писал новую книжку и не хотел отвлекаться. Кроме того, всю ин-

формацию, которую я хотел сообщить о себе, я уже сообщил — и даже многократно повторился.

— Тогда рассказывайте о новой книжке.

— Я написал первый роман из новой серии «Приключения магистра», которая будет выходить в издательстве «Нева». Первые две серии — про Эраста Фандорина и монашку Пелагию — исторические, а эта про современность. И еще: я для себя определяю женскую серию как «литературную», фандоринскую как «полулитературную», а новую как «нелитературную». Теперь я буду чередовать романы из разных серий. Мне так

ВИКТОР АХЛОМОВ

интереснее работать, чтобы не надоела одна и та же манера. Новый роман — экшн, фабульная вещь, без литературных аллюзий. Трудная для меня задача — ведь прежде я все время прятался за чужой литературный стиль: то за Достоевского спрячусь, то за Лескова, а в новой серии никакой стилизации нет. Там я пишу так, как пишу я.

(Окончание на 10-й стр.)

Убежден. - 2000. - 1 абт. - с. 1, 10.

Борис АКУНИН:

Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А как пишете вы? Так, как написана книга о самоубийствах?

— Да, и статьи, и эссе. Здесь уже ничей шинелью не прикроешься. Когда пишешь о современности, понимаешь, что читатель не будет тебе верить на слово. Когда пишешь о происходящем сейчас, становишься довольно уязвимым. Отказаться от литературной игры для меня было непросто. Все равно что фотографу, всю жизнь работавшему с цветным фото, переходить на черно-белую съемку.

— Вы меня озадачили: почему про Фандорина — полулитературная серия, про Пелагию — литературная, а новый роман — не литературная?

— Разумеется, все эти книжки принадлежат к жанру развлекательной беллетристики. Когда я говорю, что серия литературная, это всего лишь значит, что там текст важнее фабулы. В истории про Пелагию (по

моему замыслу; получилось или не получилось — другой разговор) главное удовольствие читатель должен получать от процесса чтения, а не от его результата. В серии о Фандорине — пополам. В новой книге вся нагрузка ложится на сюжет.

— Когда вы выпустили свои первые книжки, их сопровождал шквал восторженных рецензий, теперь начались упреки. Прежде всего в том, что сюжеты вы берете из других книг. Вот, например, у вас на полке стоит «Процесс Элизабет Кристи» Акройда, похожий на вашего «Декоратора».

— Это один из моих излюбленных приемов — римейк. Просто когда я беру сюжет из классической русской литературы, все считают, что это нормально. Когда я беру иностранную литературу, то человек, прочитавший Акройда два года назад в нашем журнале, чувствует себя первооткрывателем и хочет всем об этом сообщить. Кстати, с Акройдом в данном случае мы на равных: оба пере-

сказываем, каждый на свой лад, реальную историю Джека Потрошителя. А вот «Коронация» — римейк «Остатка дня» Исигуро. Новый роман «Алтын-толобас», который выйдет в сентябре, использует мотивы сразу трех любимых мною книг: «Два капитана» Каверина, «Три мушкетера» Дюма плюс изрядная иньекция «Имени розы» Умберто Эко.

— То есть этот роман — про дружбу?

— И про предательство.

— Удивительно, что вы написали роман о современности. Ваша Россия последней трети прошлого века была такая уютная, казалось, что вы в ней от нашего времени скрываетесь.

— Это не так. Я к современности не могу относиться плохо, потому что это мое время. Мне кажется, что такого хорошего времени, как сейчас, в истории России не было никогда. Хотя и понимаю, что многие считают иначе. Россия XIX века, которую я изображаю в своих детективах, — это страна,

безусловно, вымышленная, идеализированная. Вместе с тем это страна, обладавшая очень сильной харизмой. В ней было столько красивого, значительного, что этим материалом можно пользоваться еще очень долго.

— А вам не кажется, что русская классическая литература выжата до нитки? И в советские времена, и теперь, когда на ней спекулирует массовая культура — программа «Куклы», например?

— По-моему, это нормально и даже похвально, когда массовая культура перерабатывает и коммерциализует великое наследие. Мне кажется, что русская классическая литература, кроме всего прочего, еще и дает отличный материал для создания своего рода культурного эпоса и даже национальной идеи, о которой все так нынче пекутся. Национальная идея — это нечто, что объединяет все население страны (желательно во имя чего-то хорошего). В великой русской литературе есть

нравственный камертон, а это главное, что необходимо для национальной идеи. Если взять за национальную идею Пушкина, Толстого и Чехова, то это будет хорошая национальная идея, из которой со всей очевидностью ясно, как человеку можно поступать, а как нельзя; что в жизни главное, а что трезвостепенное. На основе сюжетов и стилистики русской культуры XIX века можно развернуть немало увлекательных проектов. Например, в кино или на телевидении. Вот ОРТ будет экранизировать мой роман «Азасель»...

— И Фандорина будет играть Меньшиков?!

— Неплохо бы. Ну, на худой конец — Хью Грант. Режиссер уже есть, и очень хороший — Александр Адабашьян, а вот главный исполнитель еще не определен.

— Уж вы, пожалуйста, строже с выбором, не прогадаете!

— Я отношусь к этой затее очень ответственно. Сам напи-

сал сценарий, выговорил для фильма хорошие стартовые условия: большой бюджет, съемки на киноплёнке и прочее.

— Но вдруг у вас сценарий не получится? Ведь это совсем другая работа, чем романы писать. Вы, как Булгаков, видите коробочку, в которой действуют персонажи?

— Я решил, что буду писать сценарий по-детски: представлять картинку, и если она мне интересна, значит, это нормальный эпизод, а если картинка получается неживая — вся или хотя бы частично, — значит, надо делать ее по-другому.

— Вы, наверное, трудолюбив — работаете в журнале, пишете книги...

— Сочинение сказок — это не работа.

— Вы начали писать беллетристику довольно поздно...

— В сорок лет.

— А чем же раньше вы в это время занимались?

— Этот участок мозга, или этот сектор в центре удоволь-

ствия, был занят всякого рода играми. То я играл в карты, потом в компьютерные игры. Теперь я в компьютерные игры не играю — сочинять беллетристику занятней...

— В одном вашем интервью в женском журнале я прочла, что вы начали сочинять романы, чтобы развеселить свою жену. Получилось трогательно, как в шварцевской сказке.

— Да, детективы жене нравятся больше, чем прочие мои литературные занятия.

— Когда вы пишете, представляете ли себе читателя, ориентируетесь ли на него?

— Нет. Я пишу так, чтобы было интересно мне самому. Если бы такие книжки писал кто-то другой, я бы, наверное, брал их с собой в отпуск.

— А такой литературы кто-то другой не пишет?

— Чтобы я брал с собой в отпуск — пожалуй, нет. Но вообще-то наша литература наконец-то приходит в себя после десятилетнего шока. За последнее время я прочел не-

сколько очень хороших и просто хороших, да при этом еще и совершенно непохожих друг на друга романов. «Взятие Измаила» Михаила Шишкина — чтение тяжелое, но очищающее. Новый роман Татьяны Толстой «Кысь» — это, как говорится в рекламе, «наслаждение вкусом». «Идеальный роман» Макса Фрая — отличная стилистическая эквилибристика.

— А что же Эраст Фандорин? Будет ли про него новая книжка?

— Нам с Эрастом Петровичем нужно отдохнуть друг от друга. Я написал было про него еще один роман, но чего-то там не хватает. Не буду его печатать. Лучше возьму таймаут.

— Как! И не дали никому прочитать — может быть, все там хорошо?

— Нет, я сам лучше всех принимаю, когда не получилось.

— Дайте проверить!

— Нет.

Ольга КАБАНОВА